МОБИЛИЗАЦИЯ ИЛИ СМЕРТЬ

Сергей БЕЛКИН

ДИКТАТУРА СОВЕСТИ

Основы мобилизации

Я РАЗМЫШЛЯЮ над посланием, призывом А. А. Проханова "Мобилизация или смерть!" Мобилизация — это тревожное слово. Оно звучит, когда на страну напали враги, оно означает: "Бросай свое дело, на фронт собирайся". "Вставай, страна огромная!" — вот что такое мобилизация.

Есть — слова, есть — их значения, а есть — их смыслы. Смыслы слов — это всегда многоцветная и многомерная картина, у каждого своя. Смыслы слов не всегда удаётся передать словами, иногда их надо пропеть, должна прозвучать музыка, потому что смыслы — это, в том числе, и эмоции, образы, чувства.

Сказанное слово в каждом из нас рождает свою картину, и если мы хотим глубже, точнее понять — что имеет в виду Проханов, — об этом надо поразмышлять, постараться уловить оттенки и полутона, распознать его ассоциации и только тогда можно приблизиться к смыслам, которые он хотел донести, предельно заострив свою эмоцию: "Мобилизация — или смерть!"

В моей семье — как и в каждой русской семье — была не одна мобилизация. Я вспомню то, что совсем близко: дед, отец, близкие родственники. Мой дед — Иван Константинович Белкин — ушёл на Великую войну как ратник 501-й пешей дружины. В декабре 1914-го дружина выступила из Костромы в поход и, прибыв к месту службы, вошла в состав 80-й бригады Юго-Западного фронта. Почти через четыре года — весной 1918-го — ратник Иван Белкин вернулся в деревню, к семье. Все эти годы за старшего в крестьянской семье был мой отец. Легла эта ответственность на его плечи, когда ему было всего 14 лет. Они выжили, выстояли, хотя быт крестьян северной русской деревни не просто нелёгок, а всегда — на пределе сил, в режиме выживаемости. Мой дядя — дядя Коля Жаров — тоже был мобилизован на ту же войну, но после её окончания вернулся не в деревню, как дед Иван, а был мобилизован в Красную Армию. Так в ней и прослужил до 1948 года, пройдя через все войны как кадровый военный, офицер, полковник. Были в семье и другие мобилизации: в гражданскую, например, когда другие мои дядья оказались по разные стороны фронта… Так что же: мобилизация — это "плохо", это "негативное явление", это вынужденная жертвенность?

Но Проханов имеет в виду явно что-то иное: позитивное, созидательное. Он говорит, в том числе, и о трудовой мобилизации, вовлекшей в свой нелёгкий, порой и подневольный труд многие тысячи людей. Но подчёркивает при этом — как благо! — готовность государства к мобилизации своих сил и ресурсов в условиях чрезвычайных. Он говорит о стратегической мудрости, благодаря которой Советский Союз оказался готов к отражению смертельного удара и к Победе.

Да-да: стратегическая мудрость — это те самые великие стройки коммунизма! Тридцатилетняя пропаганда упорно втаптывает это время в грязь, но моя гордость за своих предков, построивших великую страну, в грязь не втаптывается: нет в моей душе надлежащей грязи. В тех душах, в которых грязи достаточно, — вот в тех душах антисоветчики наше славное прошлое и топчут. Так что здесь я с Прохановым сошёлся, пришло ко мне понимание пафоса его статьи.

Есть ещё одна сторона этого пафоса: эмоционально-образная. Это очень важная сторона, и она выходит за рамки исторической аналитики и политических оценок. У этих исторических периодов и явлений есть эмоциональное измерение, порыв, страсть. Есть музыка, есть песня. Об этом и говорил в своё время Блок: "Всем сердцем слушайте революцию!"

Всем сердцем слушайте мобилизацию!

Проханов — услышал! И потому не просто возвысил голос, а грохнул в набат: "Мобилизация — или смерть!" Ни больше, ни меньше.

Как это понимать сейчас, когда государство не призывает ни созидать, ни строить светлое будущее? Оно вообще не призывает ни к каким коллективным действиям и сопереживаниям (кроме коллективной самоизоляции). Государство наше — за индивидуализм, и готово быть инструментом в руках эгоистов, не обременённых излишней совестью: так оно и задумано тридцать лет тому назад, таким и выстроено. Говорим: "Государство", — и снова возникает разрыв между значением слова и его смыслом. Разрыв такой огромный, что, не уточнив смыслы, понять друг друга невозможно, хотя все будут использовать одни и те же "всем понятные" слова. Государство, государственность в русской истории были разные. Была государственность, в потаённой сердцевине которой однокоренные слова и сакральные образы: Государь, Господь… Было и иное, суть которого в том, что государство — это "союз" всех его людей; государственность — народная, и священным в её сути является народ. Теперь государственность вот какая: это "стейт" (state) — сумма правил игры, ночной сторож. И никакой сакральности. А вместо справедливости — джастис (justice). Наш государственный строй — это неофеодализм, как высшая на сегодня, но далеко не последняя стадия капитализма.

Такое наше государство — способно к мобилизации? Ведь государство — это не мы, народ. Это аппарат управления, это крупные собственники, это тяжкий груз законов, инструкций, личных отношений "людей власти", это международный, наднациональный контур их отношений в глобализированном мире. К сожалению, то что мы называем "властью", — против наших коллективистских устремлений. Власть на стороне индивидуальных свобод, разобщённости. Властным кланам нужно государство как инструмент своего жизнеобеспечения и как индивидуальное средство защиты.

А коли так, то в какую дверь стучаться "насчёт мобилизации"? Если вся система государственного управления, сверху донизу, сложена как способ собирания денег в бюджет с целью его максимально возможного разворовывания чиновниками? Если многие эксперты говорят, что с этой системой можно и нужно сделать только одно: уничтожить. Не только всех уволить, но и систему заново спроектировать, сориентировать на другие цели, выстроить новый ценностный базис?

Я с этим могу согласиться — как теоретик. Но не соглашусь — как практик и прагматик. Как практик я буду искать "слабые места" в этой системе, я буду искать персон, не утративших совесть и тоже думающих о судьбе Родины и народа, — тех, у кого в душе не грязь, а любовь. Они есть, к ним я и обращу свой призыв. С ними я — или те, кто придут после меня, — и начнём заново: будем строить! Что-то — и ломать, но главная цель проекта — строить, а не ломать.

Вот сейчас — когда коронавирус — многое проявилось, высветилось в нашей государственности. Стали очевидны слабости существенно повреждённой системы здравоохранения и мобилизационная сила системы советской. Стали очевидными и одномерные свойства системы управления: она не может исполнять чуждые её природе: её конструкции, и её ценностному базису, — команды. Такое ощущение, что система управления считает себя обесточенной, если нельзя приворовывать, припадать к ручьям финансовых потоков. Персонал не может пропустить идущие через него потоки, не откусив "своей доли". Но не все же там такие! Ну, "несть граду стояния без трех праведных"! И, как бы мы все ни ворчали, ни возмущались, но машина, скрежеща и чихая, всё-таки разворачивается на защиту от морового поветрия (я здесь не обсуждаю криптоаналитику возможной природы самой угрозы и сокровенную суть реагирования на неё)! Мелькнул проблеск способности этого чуждого всякой идее коллективизма инструмента, системы госуправления — к мобилизации. Шаги государства в связи с нашествием коронавируса демонстрируют всё-таки признаки системных действий, направленных не только на извлечение личной выгоды. Выводы делать рано, но пусть проклюнется хотя бы надежда на то, что в этой системе ещё есть элементы, способные к перевоплощению или хотя бы к расширению элемента служения народу.

И ещё одна важная вещь высветилась: наше коллективное сострадание, наша общая благодарность врачам, жертвенно спасающим больных во время эпидемии — не было такого за последние три десятилетия! Общие скорби — были, а общей благодарности, гордости, готовности встать рядом — не было. Мы вновь ощутили сопричастность к судьбе страны.

Следует настраивать, мобилизовывать наше мировоззрение именно в этом направлении: мы — единый народ, способный определять свою судьбу.

И ещё — о том, как я понимаю мобилизацию в сегодняшних условиях.

Я это понимаю как мобилизацию совести, справедливости, душевных сил. Как мобилизацию ценностей и смыслов моей жизни. Причём всё это в моей душе неразрывно связано со всем народом, с его душой, совестью и ценностями. Потому что я — коллективист и ощущаю свою неразрывную целостность со своим народом. Поэтому-то и призыв — публичный, а не обращенный вовнутрь себя или в мир горний. Это призыв ко всем: объединить, слить в едином порыве всё, что нам дорого, всё, что есть добро, — и не только оказать сопротивление тому злу, которым мы окружены и пронизаны, но и победить его, убрать из нашей жизни. Вычистить грязь…

"Мобилизация совести!", "Мобилизация справедливости!" — вот лозунги дня.

Наша совесть не должна молчать и не должна ощущать себя одиноко звучащим внутренним голосом. Мобилизация совести — это когда мы все чувствуем и говорим, например, об этом: приватизация была несправедливой! И дело не в придуманных и оправдывающих "приватизаторов" законах, а в несправедливости — как мы её ощущаем. Или когда мы говорим властям и богачам: не по совести вы карманы набиваете. Или когда мы требуем: зачистите эти зловонные помойки, растлевающие души и сердца, эти ваши государственные ТВ-каналы, не финансируйте мерзость из государственного бюджета. Да и из частного — тоже, потому что яд действует независимо от прав собственности на него.

Повторю: я не склонен выносить приговор всем государственным чиновникам поголовно, не стану обвинять всех до единого в злом умысле, вороватости, казнокрадстве, взяточничестве, в стремлении нажиться за счёт страны и свалить "за бугор". Да — таких много. Но — не все, и это важно. Потому что если бы такими были все, задача изменения ситуации выглядела бы неразрешимой. Мало было бы "уволить всех", предстояло бы ещё найти других: нравственных, чистых, но умеющих при этом управлять государством и его сложными подсистемами. Возможно, такой замены у нас уже и нет и такие кадры не готовятся…

Быть может поэтому, главный фронт сейчас — спасение образования! За тридцать прошедших лет оно стало во многом порочно по своей сути, оно переродилось, оно наполняет головы искажённой информацией, не даёт нужных навыков и опустошает сердца. Теперь эта его порочная суть обретает ещё и эффективный инструмент: дистанционное обучение. Если будет только оно — беда! Это окончательно лишит общество возможности выпестовать навык коллективного сотворчества, сопереживания. Оно лишит людей умения считывать эмоцию по выражению лица, повороту головы, по интонации, лишит счастья дружеского прикосновения руки товарища или учителя. Мы не должны допустить превращения "дистанционки" в основную форму образования. Нужна мобилизация нашего чувства коллективизма, нашей общности, целостности. Только с таким чувством мы сможем вновь обрести свою — народную! — государственность. Народ, способный к мобилизации, — здоровый, сильный народ. Способность к мобилизации — это особое качество, это внутреннее единство, это готовность "положить душу за други своя". Лишили ли нас этого важнейшего свойства, этого качества годы насаждения индивидуализма? Есть ли у нас еще порох в пороховницах? Мы действительно всего лишь демобилизованные, — которых можно снова мобилизовать, — или уже и деморализованные?

И ещё одна мобилизация необходима: мобилизация наших ценностей. Форма этой мобилизации такова: мы должны синхронизировать свои чувства по отношению к нашим ценностям. Мы должны обмениваться этими сигналами, эманациями любви к свой стране и её истории. Мы должны, не обращая внимания на злопыхателей, завистников и мошенников-манипуляторов, нести в своем сердце благодарность к тем нашим предкам, которые создали, укрепили государственность — Царство и Империю — на широчайших просторах от Прута до Чукотки, от Рижского залива до залива Золотой Рог, от Карского моря до Памира. Надо открыто гордиться нашими — нашего народа! — достижениями и в создании промышленности в первой половине XX века, и её великолепным "космическим" и "атомным" развитием в его второй половине. Мы не должны стесняться своего преклонения перед Великой Победой — и пусть в этом будет с нами вся страна! У нас немало скорбей в связи с нелёгким, порой жестоким прошлым — и скорби эти не уйдут из сердца. Но не из траурных нитей прошлого и настоящего, не из ненависти и чувства мести мы должны ткать парус нашего движения вперёд, а из золотых нитей побед, гордости, радости, любви и благодарности. Память об ошибках и трагедиях — средство от помрачения ума. А спокойная гордость за путь, пройденный народом и страной, — ресурс нашего развития.

Проханов говорит о Русской Мечте. Но не о поэтических воздыханиях, не об упованиях, а о Русской Мечте — как проекте. Проекте державном. А держава — это не "стейт". Держава — то, что удерживает: и территорию, и людей, и ресурсы и — главное! — свой этический базис, систему ценностей, сакральную справедливость. Держава Русской Мечты — это народ, способный самостоятельно определять свой путь, свои цели, свою модель развития. Народ сильный, готовый защитить себя и свою землю от любых посягательств. Держава Русской Мечты — это страна с лучшим в мире образованием, здравоохранением, культурой, наукой. Страна, в которой смысл труда и жизни — не в деньгах, не во власти, а в надёжном, безопасном развитии каждого и всех, в творчестве, в полнокровной жизни по совести!

Космический Кремль. Художник Алексей БЕЛЯЕВ-ГИНТОВТ.

Владимир ВИННИКОВ

ТЯЖЕЛО В УЧЕНИИ...

Легко ли будет в бою?

КОГДА АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ писал свою статью "Мобилизация или смерть", опубликованную в конце марта ("Завтра", 2020, №12), ВОЗ уже объявила новую коронавирусную инфекцию пандемией, но президент Путин ещё не выступил с обращением о необходимости принятия противоэпидемических мер в общенациональных масштабах и с региональной спецификой. COVID-19 большинству населения нашей страны представлялся далёкой иностранной экзотикой, умерших ещё не было, а число заражённых составляло считанные единицы. И никто себе, наверное, даже представить не мог, что какая-то вирусная зараза, которую за три с небольшим месяца одолел Китай, может настолько изменить обычное и привычное течение нашей жизни.

Главный тезис прохановской статьи заключался в том, что современная Россия встречает нашествие коронавируса демобилизованной, с испуганным, неподготовленным, социально разрозненным народом. И, надо сказать, этот диагноз за прошедшие шесть недель полностью подтвердился. Прежде всего — в части "единства власти и общества". Власть заявила своей главной целью максимально растянуть эпидемический процесс по времени, чтобы "оптимизированная" система российского здравоохранения не "захлебнулась" от "девятого вала" заболевших с тяжёлыми и осложнёнными формами коронавирусной инфекции. Сэкономив, может быть, десятки миллиардов рублей расходов на содержание специализированных резервных коек и медперсонала — при том, что бюджет был профицитным, а неиспользованные остатки его расходной части превышали триллион рублей ежегодно, — теперь приходится каждую неделю терять примерно по тому же триллиону рублей национального дохода на режиме "добровольной самоизоляции".

И дело здесь не просто в деньгах — дело в самой системе управления страной, потому что основная тяжесть этих, уже понесенных и ещё предстоящих, потерь принципиально перекладывается на трудящееся большинство российского населения: от потери доходов до системы административных штрафов за те или иные "нарушения" условий установленного противоэпидемического режима, обоснованность и целесообразность которых вызывает растущие сомнения. В данном отношении недавняя беседа Игоря Шишкина с Ольгой Четвериковой на канале "День-ТВ" и программа Никиты Михалкова "Бесогон", снятая с эфира "России" "за недостоверную информацию", — всего лишь верхушка не тающего, а, наоборот, растущего айсберга недоверия.

Проханов в своей статье провёл исторические параллели между ещё только ожидавшимся нашествием коронавируса на Россию и нашествием гитлеровской Германии на Советский Союз. Тогда эти параллели казались художественным преувеличением, авторской гиперболой. Но теперь они таковыми не кажутся — особенно если считать нынешнюю ситуацию не войной, а своего рода военными манёврами или учениями, максимально приближенными к реальности. Или, как говорили в убитом ныне COVID-19 "большом спорте", "тренировкой с повышенной ответственностью".

В мемуарах "маршала Победы" Георгия Константиновича Жукова есть упоминание о большой командно-штабной игре, которая проводилась в течение конца декабря 1940-го и начала января 1941-го.

"— Когда начнётся у вас военная игра? — спросил И.В. Сталин.

— Завтра утром, — ответил С.К.Тимошенко (тогда — нарком обороны СССР. — **В.В.**).

— Хорошо, проводите её, но не распускайте командующих. Кто играет за "синюю" сторону, кто за "красную"?

— За "синюю" (западную) играет генерал армии Жуков, за "красную" (восточную) — генерал-полковник Павлов…

На западном стратегическом направлении игра охватывала фронт от Восточной Пруссии до Полесья. Состав фронтов: западная ("синяя") сторона — свыше 60 дивизий, восточная ("красная") — свыше 50 дивизий. Действия сухопутных войск поддерживались мощными воздушными силами.

Игра изобиловала драматическими моментами для восточной стороны. Они оказались во многом схожими с теми, которые возникли после 22 июня 1941 года, когда на Советский Союз напала фашистская Германия…" (Г.К.Жуков, "Воспоминания и размышления". — М.: Изд-во АПН, 1970. — с. 192-193).

Нет смысла здесь обсуждать вопрос о том, насколько полно соответствует действительности этот отрывок. Важно другое: военные учения перед Великой Отечественной войной шли на уровне корпусов и армий, командно-штабные игры — фактически на уровне округов, целостной отработки боевых действий на всём потенциальном советско-германском фронте не проводилось. Но даже полученные на этих уровнях результаты и знания далеко не в полной мере учитывались и использовались на практике. Точно так же, как опыт Финской войны 1939-1940 гг. Не пошла впрок упомянутая Жуковым "учебная" катастрофа и Дмитрию Григорьевичу Павлову, уже после этой игры также получившему звание генерала армии: через полгода войска Западного фронта под его командованием были полностью разгромлены, а сам Павлов, как известно, 22 июля 1941 года, расстрелян "за трусость, самовольное оставление стратегических пунктов без разрешения высшего командования, развал управления войсками"…

Нынешняя "коронка", при всех её эпидемиологических, клинических и прочих "странностях", тем не менее, выглядит и является катастрофой не только общероссийского, но и мирового масштаба. Если же не исключать гипотезу о том, что теперь вирусные инфекции могут инициироваться из пока неизвестного центра управления и производиться при помощи биогенетических технологий в "промышленных масштабах", да ещё с целевой привязкой к разным странам и регионам современного мира, — а исключать такую гипотезу мы просто не имеем права! — пока это лишь "первая ласточка" грядущих угроз. Не "большая война", но её моделирование, имитация и подготовка к ней.

Ведь уже отмеченная специалистами-вирусологами удивительная склонность штаммов 2019-nCoV к мутациям может быть объяснена и наличием целого "арсенала" их модификаций, которые "вбрасываются" то тут, то там, а результаты таких "вбросов" их вероятные организаторы изучают "на местах" и соотносят с известной им разницей в геноме и белковой структуре используемых штаммов.

Если наша "властная вертикаль" намерена: под страхом смерти, или под страхом утери своих зарубежных активов, или по иной причине, — пойти по пути утраты национального суверенитета и встраивания в "мировое правительство", это один путь. Если она не намерена этого делать — это совсем другой путь. И надо понимать, что в случае вторжения в Россию более "тяжёлого" вируса, более специфичного, с более высокой контагиозностью и летальностью, "отсидеться по домам" — не удастся, "отбиться QR-кодами" — не удастся, полагаться на импортные вакцины или на продукцию иностранной "фармы", выпущенную её российскими филиалами, — хуже, чем было бы полагаться в Великую Отечественную только на поставки танков и самолётов по ленд-лизу, не имея ни собственных Т-34 и Ил-2, ни собственных "катюш" и пушек ЗиС-3. И так далее.

Чтобы сохранить свою цельность, свою идентичность, своё единство, России нужен будет совсем иной системный ответ, совсем иная организация нашего общества и государства. Как и когда это может случиться? И случится ли? Однозначного ответа на эти вопросы нет. Нет даже чёткого понимания того, чему (или кому?) все мы противостоим сегодня и будем (если будем) противостоять завтра. А ясность здесь нужна, и чем быстрее — тем лучше.

Проханов — оптимист, и он уверен: "Мы выйдем из этой борьбы, пусть и с большими потерями, но народом, обретшим организацию, создавшим мобилизационный проект, без которого России не выжить среди нарастающих, один серьёзнее другого, исторических вызовов".

Хочется верить. Но пока нам тяжело даже в таком "учении". Будет ли легко "в бою"?

Владислав ШУРЫГИН

ХЛЕБ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

Семена будущего

ПОД ВОДОПАДОМ "коронавирусных" новостей куда-то на дальний план отошла повседневная наша жизнь. Словно больше и не существует никакой другой реальности, кроме больничных сводок. А ведь всё самое главное и происходит там, за информационной стеной эпидемии. Всё так же работают домны и конвертеры, строятся верфи и заводы, началась и идёт по всей России новая волна — волна посевной. Ибо инфекция пришла, и она уйдёт, но вот драгоценные весенние дни, когда нужно успеть положить зерно в землю, — никто отменить не может. Весенний день, известное дело, год кормит. Поэтому, как гласит старинная русская поговорка: "Помирай, а рожь сей!"

Впрочем, в русском поле вероятность встречи с коварным коронавирусом — не выше, чем с марсианином, живи такие на Марсе. А вот вопрос продовольственной безопасности после страшного налёта пандемии, закрывшей на целых полтора месяца наши города, остановившей производства, разорвавшей технологические цепочки, будет как никогда актуальным и стратегически важным. Как стратегически важным была и остаётся работа промышленности, конвейеров, поточных линий, строительных кранов и транспорта. "Помирай, а рожь сей!"

Коронавирусная эпопея со всей очевидностью показала, что Россия держится не на хипстерах и блогерах, не на гламурных певичках и фэшн-гуру, а на врачах, учителях, рабочих, инженерах, крестьянах, военных. Она держится на тех, кто трудится, создаёт, выращивает, лечит, учит. Она держится на национальной элите — тех, кто служение своей Отчизне считает своим бескорыстным долгом. И только когда наши руководители осознают это, когда, наконец, сформулируют идеологию развития русской цивилизации, сбережения народа, — только тогда у нас появится достойное будущее…

Когда мы похороним жертв пандемии, когда встретим на порогах больниц выздоровевших от нынешней заразы, когда вернёмся к своим, столь дорогим сердцу, обычным делам, тогда мы оценим мудрость этой поговорки. Оценим тогда, когда на столах наших будет лежать хлеб нового урожая. А будет хлеб — будет и песня! Опять же — народная мудрость!

Одной из страт нашего общества и государства, в которой ни на минуту не останавливалась жизнь, несмотря ни на какие новости о пришествии COVID-19, была армия. Безопасность невозможно "заморозить", её невозможно "приостановить", отложить на время. Повесить на ворота замок и уйти на карантин. Безопасность — это продукт, создаваемый армией ежесекундно, ежечасно. Безопасность — это стратегическая основа физического существования страны, это купол, под которым можно спокойно строить и сеять, учить и рожать. Поэтому, все эти долгие недели всё так же грохотали выстрелами и ревели глотками тысячесильных двигателей полигоны. В небо поднимались сотни самолётов, уходили в моря корабли и субмарины. У армии — своя сводка новостей.

На Камчатке сейчас полным ходом идёт оборудование и строительство нашей самой восточной "крепости". Три такие опорные зоны уже выстроили вокруг России непреодолимый периметр: Крым, Калининградская область и район авиабазы в сирийском Хмеймиме. В НАТО такую доктрину опорных районов называют аббревиатурой A2AD (anti-access and area denial — ограничение и воспрещение доступа и маневра). Над такой территорией создаётся эшелонированный зонтик ПВО, который предотвращает любые действия авиации. Обязательная составляющая в прибрежных районах — береговые ракетные комплексы, которые не подпускают к суше корабли. В итоге получается настоящая крепость, к которой нельзя подойти или подлететь на определённое расстояние. Противник, если попытается прорваться в охраняемую зону, понесёт неприемлемые для себя потери как в технике, так и в живой силе.

Здесь уже развернуты береговые ракетные комплексы (БРК) "Бастион" и "Бал". "Бастион" способен поражать цели на расстоянии до 500 км. В боекомплект этих БРК входят новые сверхзвуковые противокорабельные ракеты "Оникс", с которыми бессильна бороться любая современная система ПВО. Комплексы "Бал" — оружие ближней зоны. Они предназначены для контроля прибрежных зон, проливов и акватории вокруг военно-морских баз. Комплекс способен поражать цели на расстоянии до 260 км.

Скоро на боевое дежурство здесь встанут специальные радиолокаторы и разведывательные системы для слежения за морскими целями. Эта техника позволит обнаруживать фактически любой объект на поверхности размером с надувную лодку, выявить использование радиосвязи и попытки обмена информацией по закрытым системам управления, что исключит действия на побережье диверсионных групп вероятного противника

А на базе атомных подводных лодок в Вилючинске могут быть развернуты грозные "Посейдоны" — "оружие возмездия", как его назвали американцы.

Участвуют военные и в борьбе с эпидемией. На этой неделе должно быть закончено строительство и укомплектование шести военных инфекционных госпиталей, которые готовы будут во всеоружии встретить биологического противника. На сегодня в Вооружённых силах зафиксировано более 900 случаев заражения коронавирусом. И можно только отдать должное прозорливости военного руководства, начавшего вовремя готовиться к встрече с COVID-19.

Кроме того, руководство Минобороны приняло решение оказать помощь отечественному ВПК. Военные химики продезинфицируют оборонные предприятия. С этой целью уже развернуто несколько десятков мобильных групп. Им предстоит выполнить дезинфекцию помещений, зданий, сооружений и прилегающих к ним территорий более чем 90 предприятий. В списке — вертолётный завод "Роствертол", судостроительный "Залив" и судоремонтный гигант "Звёздочка". Первые спецподразделения, созданы на базе бригад и полков радиационной, химической и биологической защиты, уже начали работу. Это позволит обезопасить рабочих и инженеров от инфекции и не прерывать производственный цикл без крайней необходимости. Очень важно, чтобы гособоронзаказ не был сорван. Это вопрос национальной безопасности. Военные, помогая нашей "обороне", фактически демонстрируют эффективность её же продукции — ведь в борьбе с коронавирусом используется новейшая техника и аппаратура, поставленная в предыдущие годы в рамках всё того же гособронзаказа. Есть и другая сторона вопроса: в секторе оборонно-промышленного комплекса заняты сотни тысяч человек, многие предприятия являются градообразующими. Если люди там останутся без работы, их положение окажется крайне тяжёлым.

Другая новость пришла с фронта информационной войны. Все предыдущие дни либеральные СМИ заламывали руки на тему эскиза мозаики на одной из стен главного храма Вооруженных сил. На ней должна была быть изображена сцена воссоединения Крыма с Россией, и, по замыслу архитектора проекта Дмитрия Смирнова, должны были быть изображены политические и военные деятели, руководившие процессом возвращения полуострова домой. Это страшно возмутило либеральную тусовку, которая буквально изошла яростью на тему якобы "прижизненной канонизации Владимира Путина, Сергея Шойгу и ещё ряда политиков и военных". Ситуацию прокомментировал архитектор проекта Дмитрий Смирнов: "Это такая тема. Художники её выложили, но в реализации это пока еще не пошло. То есть это в виде эскиза было, и всё!"

Окончательную точку в этой истории поставил сам президент. Слова главы государства передал его пресс-секретарь Дмитрий Песков. "Когда ему (Путину. — ред.) доложили об этом, он улыбнулся и сказал: "Когда-нибудь благодарные потомки оценят наши заслуги, но сейчас это делать ещё рано". Очередной болотный вонючий либеральный пузырь лопнул…

И, конечно же, свою лепту в ленту новостей внесли Воздушно-десантные войска, которые первыми в истории выполнили групповой прыжок с парашютами с высоты 10 000 метров в арктических условиях. Об этом сообщили в Минобороны. И сделано это было не для "книги рекордов Гиннеса", и не забавы ради. Десантники испытали парашютные системы специального назначения нового поколения, индивидуальное кислородное оборудование и специальное снаряжение и обмундирование в экстремальных условиях Арктики. Десантирование было произведено в районе архипелага Земля Франца-Иосифа с самолётов Ил-76.

В общем, и жить будем!

И рожь посеем!